

Legal System: in Search of Optimal Ways of Modernization

T. M. Khaletskaya¹

¹Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-3-444-459

Research article
Full text in Russian

The modern historical stage is distinguished by emergence of a large number of new social relations, which causes interest in rethinking approaches to the legal system structuring, its elements, criteria for formation of new branches of law. It appears that any research in this area should be, firstly, focused on formation of a complete picture of the legal system structure, and secondly, this structure should be “working”, meeting the needs of law enforcement practice. Unfortunately, such a result is impeded by the observed alogism of the legal system research. The majority of scientific research devoted to given aspects of the legal system is carried out by representatives of sectoral sciences and, most often, the research purpose lies in substantiating peculiarities of a certain totality of social relations in order to make a conclusion about presence of a certain new branch in the legal system structure. In the end, it results in uncontrolled multiplication of law branches, blurring of separate legal systems elements. The article is aimed to substantiate the need of «contact establishment» between representatives of the law theory and representatives of sectoral sciences upon formation of the legal system concept. We believe that conclusions within the framework of the law theory should be defined that will become the basis for solving problems of sectoral sciences, while sectoral sciences should become a source of material for theoretical generalizations.

Keywords: legal system; law branches; subject of legal regulation; methods of legal regulations

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Khaletskaya, Tatyana M. | E-mail: Tania80@rambler.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

Система права: в поисках оптимальных направлений модернизации

Т. М. Халецкая¹

¹Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-3-444-459
УДК 340.12

Научная статья
Полный текст на русском языке

Современный исторический этап характеризуется появлением большого числа новых общественных отношений, что вызывает интерес к переосмыслению подходов к структурированию системы права, ее элементам, критериям образования новых отраслей права. Представляется, что любые исследования в данной сфере должны быть, во-первых, ориентированы на формирование полной картины структуры системы права, во-вторых, эта структура должна быть «работающей», обеспечивающей потребности правоприменительной практики. К сожалению, достижению подобного результата мешает наблюдающаяся алогичность исследований системы права. Большинство научных изысканий, посвященных тем или иным аспектам системы права, выполняются силами представителей отраслевых наук, и чаще всего целью этих изысканий является обоснование особенностей некой совокупности общественных отношений с тем, чтобы впоследствии сделать вывод о наличии в структуре системы права некой новой отрасли. В итоге происходит неконтролируемая мультипликация отраслей права, размывание границ между отдельными элементами системы права. В статье предпринята попытка обосновать необходимость «установления контакта» между представителями теории права и представителями отраслевых наук при формировании концепции системы права. Полагаем, что в рамках теории права должны быть сформулированы выводы, которые станут основой для решения задач отраслевых наук, тогда как отраслевые науки должны стать источником материала для теоретических обобщений.

Ключевые слова: система права; отрасли права; предмет правового регулирования; методы правового регул

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Халецкая, Татьяна Михайловна	E-mail: Tania80@rambler.ru
	Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и хозяйственного права Института управленческих кадров

Система права, по справедливому замечанию И. А. Маньковского, «призвана удовлетворять потребности общества в правовом регулировании социальных процессов, имеющих место на каждом этапе развития цивилизации» [1, с. 210]. В процессе развития общественных отношений отдельные элементы системы права могут изменяться с тем, чтобы наиболее полно удовлетворять потребности в правовом регулировании, однако сама система права должна при этом оставаться стабильной [1, с. 211]. То есть система права любого государства должна быть организована таким образом, чтобы одновременно обеспечивались и ее стабильность, и динамизм. Динамическая установка, по верному замечанию Т. А. Волкогон, предполагает «непрерывный процесс изменения, развития, реформирования системы права» [2, с. 6].

В современном мире, по мнению ряда исследователей, как раз и происходит та трансформация реальности, которая должна повлечь существенную модернизацию системы права [3, с. 25]. Эта необходимость вызвана, с одной стороны, трансформацией классических институтов, и в первую очередь института частной собственности, с другой – трансформацией самого общества и появлением отношений, ранее имевших другую природу либо ранее не существовавших [3, с. 13]. Е. Б. Хохлов в связи с этим констатирует, что господствующая научная концепция системы права, сформулированная в тридцатые годы прошлого века, «явно не отвечает современным потребностям» [4, с. 29].

Концептуальные подходы к выявлению структуры системы права отличаются многообразием и поражают обилием используемых аллегорий.

По мнению В. П. Мозолина, структура права включает в себя три уровня: конституционное право, основные «ветви» права и правовые образования, которые по юридическому составу состоят из правовых норм и институтов основных «ветвей» права (т. о., в основе данной концепции лежит идея об отказе от отраслей права и замене их «ветвями» права) [5, с. 110–111]. «Каждая ветвь имеет свой предмет правового регулирования», «соответственно характеру правоотношения решается вопрос о методе каждой основной ветви права», – отмечает В. П. Мозолин. Такой метод «...должен вытекать из характера общественных отношений, регулируемых нормами соответствующей ветви права, т. е. быть зависимым от предмета ветви или иметь вторичную по отношению к предмету классификационную природу критерия, определяющего понятие ветви права» [5, с. 112]. Таким образом, в качестве критериев выделения «ветвей» права ученый предлагает критерии, традиционно используемые для выделения отраслей права, – предмет и метод, в связи с чем неясной становится цель отказа от отраслевого деления права. Кроме того, вопрос вызывает выделение конституционного права в качестве отдельного уровня права, поскольку критерии такого выделения вообще не раскрываются. Критикуя концеп-

цию, предложенную В. П. Мозолиным, В. И. Червонюк отмечает также о невозможности в ее рамках определить место таких образований, как, например, муниципальное право, которое выделилось именно из конституционного права, а не из норм и институтов основных «ветвей» права [6, с. 37].

Современную систему права Республики Беларусь Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич и О. Шкут сравнивают с «высокофункциональным, высокотехнологичным и сложноструктурированным небоскребом», система права «имеет общий стержень и комплекс корпусов (которые условно можно назвать циклами отраслей права) различных уровней (которые условно можно назвать отраслями права), разнообразных по функциональному назначению, «оформлению» и техническим параметрам «помещений», которые условно можно назвать институтами и субинститутами права» [3, с. 14]. Несмотря на весь романтизм данной аллегории, при ее перенесении в плоскость системы права возникают вопросы: 1) что является в описанной системе «общим стержнем» (базовым элементом системы права является субинститут – нормам права в этой аллегории не нашлось места)? 2) если «комплекс корпусов» составляет циклы права, то почему изменение уровня этих корпусов влечет трансформацию циклов в отрасли; что является фундаментом этого небоскреба?

Отметим, что по тексту статьи авторы от своей аллегории отступают и предлагают выделение в системе права самостоятельных циклов права, то есть совокупности отраслей, формируемых вокруг «основной профилирующей отрасли права» (хотя, по мнению авторов, есть циклы, во главе которых отсутствует основная профилирующая отрасль права, например пруденциальный цикл отраслей права). При этом циклы отраслей выстраиваются или «вокруг характеристик предмета отрасли» (финансовый цикл отраслей права, хозяйственный цикл отраслей права), или вокруг «характеристик предмета отрасли и специфического направления государственного регулирования» (монетарный цикл отраслей права), или вокруг «характеристик предмета отрасли и ее специфической методологии» (инвестиционный цикл отраслей права). Сами же циклы могут включать «основные специальные и комплексные отрасли права (авторы признают одновременное существование комплексных отраслей, выделение которых является предметом острых дискуссий в научной литературе и комплексных институтов [3, с. 20])» (такой вывод можно сделать исходя из предложенной ими характеристики хозяйственного и финансового циклов отраслей права). Таким образом, авторами выстроена система права, состоящая из расположенных друг над другом правовых циклов (корпусов разного уровня), объединяющих отрасли. При этом между отраслями в рамках цикла выстроены горизонтальные связи, тогда как сами циклы по вертикали друг с другом не связаны или, возможно, имеют минимальные связи

через включенные в циклы комплексные отрасли. (Четкого ответа на вопрос о наличии или отсутствии вертикальных связей между циклами авторы не дают, но приводят еще одну аллегорию: небоскреб должен быть устроен так, «чтобы каждый из уровней (этажей) фактически представлял собой полностью автономный элемент конструкции, позволяющий человеку успешно удовлетворять свои потребности в пределах такого уровня (этажа), лишь иногда посещая иные этажи или иные структурные элементы здания» [3, с. 14].)

Не отрицая новизну и оригинальность предложенной Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневичем и О. Шкут концепции, отметим ее «ограниченный» характер. Все выделенные авторами циклы права строятся вокруг института хозяйственной деятельности. Наряду с этим, авторы указывают на существование в доктрине идеи деления «всей совокупности отраслей права на следующие циклы: на государственно-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой, цивилистический и процессуальный циклы отраслей» [3, с. 19] (к сожалению, в статье не приводятся ссылки на работы авторов, выделяющих указанные циклы отраслей), однако тут же выделение данных циклов критикуют и фактически отвергают. В связи с этим не совсем понятной становится общая картина системы права. В целом создается впечатление, что авторы «выстроили» «кластер из небоскребов» (еще одна аллегория, приведенная авторами статьи. – Прим. наше), в котором выключены лифты, заблокированы лестницы, входы и выходы.

Кроме того, отсутствие четких критериев формирования циклов отраслей права, наряду с неутраченной научной критикой существующих критериев образования самостоятельных отраслей права в системе права [см., например: 7, с. 10, 11; 8, с. 1–35], может, по нашему мнению, привести к «размножению» новых отраслей, стиранию граней между отраслями, подотраслями и институтами права. Если к этому добавить также комплексные отрасли права и комплексные институты, признаваемые авторами анализируемого подхода, то в конечном итоге можно добиться «размывания» системы права, а вслед за этим и правовой науки и юридической практики.

Свое видение отраслевой структуры белорусского частного права предложено в работе С. П. Протасовицкого. Ученый, опираясь на структуру частного права, характерную для германской системы континентального права, делает вывод, что «белорусское частное право состоит из гражданского права (общего частного права) и отраслей, объединенных в специальное частное право» [9, с. 48]. К специальному частному праву С. П. Протасовицкий относит: жилищное право, семейное право, трудовое право, земельное право, природоресурсное право (данный перечень оставляется открытым, в связи с существующей возможностью его расширения за счет «отдельных нормативных образований, регулирующих предпри-

нимательские отношения (например, право финансовых услуг, энергетическое право)» [8, с. 51]. Несмотря на то что в рамках данного подхода делается попытка поставить точку в дискуссии о природе ряда правовых образований, ранее выделившихся из гражданского права, он, как и предыдущий, отличается узостью и не дает представления о системе права в целом. В его же рамках также допускается создание неограниченного количества отраслей, тем более что одним из формальных признаков отрасли (по смыслу статьи – отрасли специального частного права) признается «наличие кодекса, на котором базируется отрасль законодательства, содержащая нормы специального частного права» [9, с. 49].

Представители российской теории права предлагают подход к структуре системы права, имеющий общие черты с подходом, предложенным С. П. Протасовицким, но несколько расширяющим его. Например, Е. М. Макеева в своей диссертации «Система права Российской Федерации: вопросы теории и практики» предлагает при структурировании системы права исходить из деления права на три подсистемы: частное, публичное и смешанное. К отраслям публичного права ученый относит конституционное (государственное) право, административное право, уголовное право, финансовое право, налоговое право, процессуальное право, международное публичное право. К отраслям частного права – гражданское право (при этом гражданское право должно признаваться ведущей отраслью подсистемы частного права), семейное право, международное частное право. К отраслям смешанного типа Е. М. Макеева относит «отрасли права, в которых в разных пропорциях присутствуют одновременно и частное и публичное начало», а именно: земельное право, природоресурсное право, трудовое право, право социального обеспечения, муниципальное право [7, с. 22, 23].

Предлагая те или иные новые подходы к структуре системы права, современные исследователи утверждают, что не пытаются «сломать традиционные каноны, разрушив сложившуюся за тысячелетия концепцию и конструкцию права», они лишь стремятся «существенно модернизировать ее, значительно расширить ее горизонты» [3, с. 25]. Однако что бы что-то модернизировать, нужно изучить дискуссии о системе и структуре права, которые велись ранее, выяснить причины этих дискуссий (полагаем, причины были те же – трансформация общественных отношений) и изучить сделанные выводы. Подобные дискуссии велись и в советский, и даже в дореволюционный период. Кроме того, необходимым представляется и изучение зарубежных воззрений на систему права и ее структуру. Несмотря на господствующее представление о том, что споры о системе права характерны в основном для советской и постсоветской правовой доктрины, зарубежные исследователи в своих работах данные вопросы также затрагивали. В качестве примера можно привести целую школу изучения

системы права, созданную немецким социологом и юристом Николасом Луманом [см., например: 10, с. 60–64].

Еще в 1982 г. на страницах журнала «Советское государство и право» был предложен концептуальный подход к структуре системы права. Систему права предлагалось рассматривать «в виде некой пирамиды», а не «плоского массива переплетающихся норм», поскольку в пирамидальности заключено одно из условий внутренней согласованности составных элементов системы права [11, с. 3–18]. Одновременно в структуру права добавлялся социогуманитарный контекст, благодаря чему проводилось отграничение права от неправа, расширялась структурная организация за счет неопозитивного права. На современном этапе эти идеи развивает в своих работах доктор юридических наук В. И. Червонюк, предлагающий структурировать право на четыре уровня: 1) базовый, 2) основной, 3) субсидарный и 4) специальный. Каждому из указанных уровней соответствуют «определенные структурные ряды (или один структурный ряд)» [12, с. 12]. Так, базовый уровень объединяет два структурных ряда – права человека и принципы права. Основной уровень образует действующее в стране позитивное право, этот уровень охватывает несколько структурных рядов: первый (генеральный) структурный ряд – конституционное право; второй (высший) структурный ряд – основные правовые общности, совпадающие с отраслевым делением права и охватывающие своим содержанием так называемые базовые, или профилирующие, и специальные отрасли права; третий (низший) структурный ряд охватывают комплексные межотраслевые институты, состоящие из норм материнских отраслей права первых двух структурных рядов и специальных норм. Субсидарный уровень права представлен неопозитивным правом (данный уровень может охватывать обычное право, доктринальное право, религиозное право, прецедентное право). Специальный уровень права образован первичными элементами правовой структуры: нормативными обобщениями, правом, выраженным в правовых общностях, сферы действия которых ограничиваются пределами территориального верховенства государства (макроуровень права); право, выраженное правовыми семьями, а также региональными и международными системами права (мегауровень права).

Подобный подход, на наш взгляд, позволяет прервать «цепную реакцию» непрекращающегося выделения новых отраслей права, поскольку сама структура права выстраивается хотя и через отрасли права, но полностью к ним не сводится. «Строение права (его структура) принимает реальный, многоуровневый, сложноструктурный (сложносоставный) характер, не нивелируя существование отдельных его звеньев, не охватываемых отраслевым делением права» [12, с. 16].

В целом, говоря о структуре системы права, нельзя не остановиться на проблеме выделения в ней такого ключевого элемента, как отрасль

права, которую в доктрине традиционно определяют как «наиболее крупную группу норм, регулирующих качественно однородные общественные отношения, обладающие устойчивостью и обособленностью» [13, с. 297].

Авторство данного подхода приписывается советскому юристу А. Я. Вышинскому. В своем учебнике «Курс советского социалистического государственного права», изданном в 1938 г., ученый поставил вопрос о разработке системы социалистического права, которая в тот период отсутствовала. Обосновывая выделение государственного права в широком смысле, А. Я. Вышинский включал в него такие отрасли, как уголовное право, судебное право, основы гражданского права, международное право [14, с. 85]. Сам А. Я. Вышинский утверждал, что выделенные им отрасли советского права нужны не для науки, а для законодателя, нормотворческих органов и правоприменителей [15, с. 145], поскольку количество разрозненных нормативных правовых актов в тот период существенно затрудняло их применение. Соответственно выделенным ученым отраслям права постепенно стали создаваться сборники законодательных актов и сборники судебных постановлений и определений. Таким образом, можно утверждать, что идея А. Я. Вышинского носила исключительно утилитарный характер, позволяя выделять отдельные отрасли исходя из целевого назначения формирующих их норм права.

В этот же период стала набирать популярность общая теория систем, предложенная Л. Фон Берталанфи в 1930-е гг. и активно внедряемая в различные области знания, в том числе и в юриспруденцию. С точки зрения общей теории систем под системой, как правило, понимают «отграниченное множество взаимодействующих элементов» [16, с. 25]. Систему права постепенно стали рассматривать через призму общей теории систем, объясняя наличие отдельных элементов в структуре системы не просто их утилитарным предназначением, а необходимостью такого структурирования системы права, при котором будет обеспечена возможность выбирать оптимальный вариант регулирования соответствующих отношений, «который бы в наиболее полной мере отвечал интересам и целям народа и законодателя, способствовал прогрессу общества» [17, с. 135]. На страницах журнала «Советское государство и право» развернулась дискуссия, проходившая в 30, 50 и 80-х гг. прошлого века, итогом которой стала выработка двух основных системообразующих критериев отрасли права – предмета и метода. При этом приоритетное значение для формирования отрасли отводилось именно предмету правового регулирования, т. е. совокупности однородных общественных отношений, требующих правового регулирования. Об этом писал еще С. Н. Братусь, согласно утверждению которого «юридическая наука исходит из того, что в основе разграничения отраслей права <...> лежит разграничение различных общественных отношений, являющихся предметом правового регулирования» [18, с. 5].

Подобный подход отражен во многих современных учебниках по теории права. Например, в учебнике под редакцией А. Ф. Вишневого отрасль права определяется как «совокупность взаимосвязанных, обособленных юридических норм, регулирующих при помощи специфического метода обширный круг общественных отношений, обладающих внутренним единством, отличительными свойствами, качественным своеобразием» [13, с. 298]. Критериями формирования самостоятельных отраслей права Е. А. Зорченко и Л. Г. Протасевич называют предмет и метод правового регулирования [19, с. 207]. «Есть два критерия деления права на отрасли, – пишет А. А. Шафалович, – 1) наличие собственного предмета; 2) наличие собственного метода правового регулирования» [20, с. 333].

Система права выстраивается, что называется, «в ручном режиме», на доктринальном уровне, поскольку нормативное закрепление системы права отсутствует. Примером тому может служить система права Республики Беларусь. Например, А. А. Шафалович со ссылкой на Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь выделяет следующие отрасли права: конституционное право, гражданское право, административное право, уголовное право, трудовое право, семейное право, земельное право, финансовое право, уголовно-исполнительное право, гражданско-процессуальное право, уголовно-процессуальное право [20, с. 336, 337; 21]. По мнению Е. А. Зорченко и Л. Г. Протасевич, в системе белорусского права можно выделить конституционное право, уголовное право, уголовно-процессуальное право, семейное право, гражданское право, гражданско-процессуальное право, административное право (авторы оставляют перечень отраслей права открытым) [19, с. 203]. Д. М. Демичев выделяет конституционное право, гражданское право, административное право, уголовное право, экологическое право, аграрное право, земельное право, финансовое право, бюджетное право, налоговое право, таможенное право, хозяйственное право и трудовое право [22, с. 315].

В целом процесс научного обоснования выделения новых отраслей в системе права идет постоянно с большей или меньшей интенсивностью.

Все чаще в научном сообществе высказываются идеи о необходимости увеличения количества отраслей права, при этом причины такого увеличения называют разные. Следует заметить, что сейчас, как и в советский период, выделение тех или иных новых отраслей происходит тогда, когда исследователи «замечают специфику» тех или иных общественных отношений. «Поскольку существует какая-либо область отношений между людьми, – отмечает Н. А. Солянкина, – постольку существует и специальная отрасль права, которая регулирует отношения в этой области» [23, с. 23]. На этом основании автор относит право социального обеспечения к самостоятельной отрасли права, регулирующей социальное обеспечение «как деятельность и как совокупность общественных отношений» [23, с. 23].

В семейно-правовой доктрине неоднократно высказывалась гипотеза о необходимости выделения по предметному критерию самостоятельной отрасли права – детского права [24, с. 5].

Используя предметный критерий, представители российской правовой науки смогли выделить в системе права Российской Федерации порядка девяти отраслей права [25, с. 98]. Полагаем, что использование предметного критерия при выделении новых отраслей приведет к бесконечному их размножению. Именно такая тенденция имеет место в белорусской правовой науке, представители которой, в том числе благодаря указанному критерию, обосновывают выделение таких новых отраслей, как фискальное право, кондиционное право, учетное право, антимонопольное право, конкурентное право, клиринговое право, лизинговое право, право драгоценных металлов и драгоценных камней, концессионное право, крипто-инвестиционное право, право национальной продовольственной безопасности, право промышленной безопасности и другие отрасли [26, с. 9; 3, с. 23–24].

Несомненно, предметный критерий имеет важное значение в процессе формирования новых отраслей. Здесь прав И. А. Маньковский, утверждающий, что для «преобразования таких элементов системы права, как институт или подотрасль права, в самостоятельную отрасль права, а также для изменения содержания составляющих их правовых норм необходимо ... существование общественных отношений, которые требовали бы урегулирования при помощи определенной совокупности однородных правовых норм» [1, с. 214]. Но, приложив определенные усилия, можно выявить особенности бесконечного числа отношений, обосновав существование бесконечного количества отраслей права. И здесь возникает вопрос об объективной необходимости данного процесса и о том, не обусловлен ли он субъективными факторами, к которым А. А. Демичев относит, например, интересы лоббирования, необходимость защиты диссертаций по оригинальным темам и т. п. [25, с. 98]. Добавим здесь, что зачастую попытки выявить специфику некоего массива общественных отношений не выглядят достоверными. Например, обосновывая самостоятельность банковского права в монетарном цикле отраслей права, представители белорусской школы хозяйственного права утверждают, что закрепленные в Гражданском кодексе Республики Беларусь банковские договоры (кредитный договор, договор банковского счета, договор доверительного управления) можно лишь условно признать гражданско-правовыми. К сожалению, авторы, в качестве иллюстрации своей позиции приводят пример только кредитного договора, заключаемого с государственным инвестиционным банком и договора банковского счета, природа которого «обусловлена в значительной мере нормами, регулирующими вопросы валютного регулирования и валютного контроля, применения мер по противодействию

легализации доходов, добытых нелегальным путем, по противодействию уклонения от уплаты налоговых платежей и др.» [26, с. 9]. Мы не будем опровергать данный вывод и признаем его научную значимость, однако отметим, что упомянутый авторами договор доверительного управления имуществом заключается не только в сфере осуществления банковской деятельности, равно как и кредитный договор, имеет гораздо более широкую сферу применения, чем та, которая описана авторами. Не будет ли здесь более логичным посмотреть на природу этих и многих других отношений с точки зрения их отнесения, например, к комплексным правовым институтам, хотя бы для того, чтобы полностью опровергнуть их комплексную правовую природу и утвердиться в выводе об их уникальности?

В целом полагаем, что исключительно предметного критерия недостаточно для выделения той ли иной отрасли права. Но вопрос о том, какими эти критерии должны быть, в литературе является остро дискуссионным. Выше мы уже отмечали, что еще в советский период, наряду с предметом, в качестве критерия был выделен метод правового регулирования, подвергаемый сомнению некоторыми учеными при анализе отраслевого деления права [27, с. 36]. Позднее в числе критериев стали называть принципы соответствующей отрасли. Но, поскольку принципы отрасли чаще всего выделены только доктринально, но не закреплены нормативно, рассмотрение принципов права в качестве критерия выделения отрасли права некоторыми авторами обоснованно признается нецелесообразным [25, с. 99]. Наряду с традиционными предметом и методом правового регулирования А. А. Головина предлагает выделять объективный критерий, в рамках которого «учитываются объективные процессы образования самостоятельной отрасли права с точки зрения системного подхода» – критерий дивергенции системных связей (расхождения, размежевания системных связей внутри «материнской» отрасли права, в результате чего нормы «дочерней» отрасли права обособляются в самостоятельную отрасль) [28, с. 30]. Множественность нормативных правовых актов, регулирующих соответствующую деятельность, И. А. Иванников видит критерием, достаточным для выделения фармацевтического права, морского права, спортивного права и международного спортивного права [29]. При этом автор критикует предмет и метод в качестве критериев выделения отраслей, поскольку они «не выдержали испытания временем, являются формализованными и мешают развитию науки об отраслях права» [29].

В литературе выделяют и такие критерии отраслевого деления, как наличие кодифицированного нормативного правового акта, высокая значимость регулируемых общественных отношений, функции права, особый субъектный состав, особенности юридической ответственности. В современном научном обороте можно встретить работы, в которых обоснована

необходимость выделения тридцати шести критериев отраслеобразования [30, с. 55–90].

Полагаем, что возрастание количества критериев отраслеобразования выделяемых в доктрине, прямо пропорционально уменьшению степени их достоверности, поскольку, являясь в массе своей субъективными, они могут быть с той же степенью убедительности применены для выделения института права или подотрасли права.

По замечанию Н. М. Добрынина, «сегодня весьма редко можно встретить какую-либо кандидатскую диссертацию по юридическим наукам, в которой не подвергался бы ревизии вопрос об отраслевой принадлежности исследуемых в ней правовых норм, институтов и отношений» [31, с. 29]. И это не новая тенденция, об этом писал еще О. А. Красавчиков в далеком 1975 году: «Получается так, что как только исследователь обнаружит ту или иную форму связи, тот или иной момент взаимодействия норм (правовых институтов) различных отраслей права, он тут же спешит объявить об обнаружении «новой» отрасли права или отрасли законодательства» [32, с. 63].

В вопросах «размножения» отраслей права согласимся с призывом Е. Е. Тонкова и В. С. Синенко относиться к обоснованию новых отраслей весьма осторожно [33, с. 140], поскольку «процесс структурирования права, классификации, разграничения отраслей – дело крайне ответственное. Он должен включать не только выявление их отличительных признаков, но и установление тех особенностей, которые ни при каких условиях не дают возможность их объединить в совокупность правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений. В противном случае, многие “новые” отрасли права, хотя и будут содержать юридические характеристики различных явлений действительности, но фактически являться не только смежными, но и обладать весьма заметным сходством между собой (как это и происходит на самом деле), особенно в условиях существенного возрастания объема нормативного материала и нередкого отсутствия его согласованности» [33, с. 144–145].

Еще одной активно дискутируемой проблемой является проблема определения природы той или иной отрасли права. Начало этой дискуссии лежит в идее дуализма позитивного права, признания его деления на частное и публичное. В научных кругах можно встретить сторонников такого деления. Например, соглашаясь с дуализмом позитивного права, С. П. Протасовицкий утверждает, что этот дуализм заключается в юридических нормах: «Универсальное свойство всех норм позитивного права – регулирование социального поведения или моделирование правовых отношений субъектов такого поведения. Значит, искомым свойством норм публичного права является моделирование публичных правоотношений, а частного

права – непубличных правоотношений, которые мы называем частными» [9, с. 47].

Встречается и противоположный подход. Например, В. В. Талянин и И. А. Тальянина, отрицая деление права на частное и публичное, полагают, что в нормально организованном обществе государство существует исключительно для того, чтобы охранять интересы индивида (именно в этом выражен государственный интерес); в плохо организованном обществе государственные интересы подменяют «узкие устремления ограниченных групп» [34, с. 54–55].

По мнению Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневича и О. Шкут, «научно-обоснованным является тот факт, что деление отраслей права на публичные и частные явно устарело», поскольку «само гражданское право затруднительно охарактеризовать в качестве отрасли частного права по причине огромного массива публично-правовых институтов в его системе» [3, с. 21].

При этом в рассуждениях авторов есть некоторые противоречия. Так, отмечая устаревание идеи дуализма позитивного права, они настаивают на формировании большого массива «общественных отношений, которые носят преимущественно публичный или полностью публичный характер (примером чего являются фискальные и хозяйственные отношения)» [3, с. 16], а также на том, что хозяйственное право, являясь самостоятельной отраслью права, регулирует отношения «преимущественно публичного характера» [35, с. 13].

В идее об «устаревании» концепции дуализма права, несомненно, есть определенная доля истины, но эта мысль не нова. Исследователи, обращающиеся к анализу соотношения публичного и частного права, чаще всего делают выводы об отсутствии в системе права классических частных или классических публичных отраслей. Между частным и публичным правом, по справедливому замечанию Е. А. Мамай, «нет китайской стены» – это проявляется в том, что, с одной стороны «органы публичной власти вторгаются в сферу традиционного частноправового регулирования. При этом в праве возникают такие институты, как обязательное страхование, обязательное заключение контрактов и т. п. С другой стороны, в публичном праве начинают применяться частноправовые методы» [36, с. 52–53]. Взаимопроникновение, по мнению Т. В. Деркач, является общей тенденцией развития публичного и частного права [37, с. 125]. Яркий пример того – семейное право, выделившееся в советский период из права гражданского. Многие исследователи относят семейное право к сфере частного права [38, с. 7; 7, с. 9; 9, с. 51], отмечая при этом преобладающее значение императивного регулирования семейных отношений [39, с. 14; 40, с. 6].

В заключение отметим, что сегодня, без сомнений, современное состояние системы права характеризуется наличием сложных и противоречивых процессов и в этих условиях требуется разработка научной концеп-

ции, в рамках которой будет раскрыт механизм модернизации системы права. Но имеющие место (в частности, в Республике Беларусь) попытки модернизации системы права силами исключительно представителей отраслевых наук в большинстве случаев вызывают вопросы, а не дают ответы на них. Думается, что к дискуссии о структуре современной системы права должны «подключиться» и представители теории права, в связи с тем что отношения между отраслевыми науками и теорией права – это отношения, построенные на взаимности: в рамках теории права должны быть сформулированы выводы, которые станут основой для решения задач отраслевых наук, тогда как отраслевые науки должны стать источником материала для теоретических обобщений.

Ссылки

1. Витушко В. А., Вабищевич С. С., Маньковский И. А. Теоретические основы современного правопонимания: общеправовой и отраслевой правовой подходы: моногр. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. 414 с.
2. Волкогон Т. А. Система права в условиях обновляющегося общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Красноярск, 2006. 23 с. EDN NKBXRP
3. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г., Шкут О. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. Вып. 4. С. 11-26. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-11-28
4. Хохлов Е. Б. Введение в дискуссию (Дискуссия о правовой системе) // Правоведение. 2002. № 3. С. 29-31. EDN TLGACV
5. Мозолин В. П. Система российского права: (доклад на всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С. 107-113. EDN OPPYHJ
6. Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития: в 9 вып. Вып. 2: Концепция структуры права // Вестник Московского ун-та МВД России. 2014. № 2. С. 33-39. EDN RZOHLF
7. Макеева Е. М. Система права Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006. 23 с. EDN ZNSWQF
8. Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2012. 35 с. EDN QIBIDN
9. Протасовицкий С. П. Отраслевая структура частного права // Юстиция Беларуси. 2021. № 11. С. 46-51. EDN RUIWBV
10. Тихонова С. В. Концептуальные основания западной коммуникативной теории права: Николас Луман // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 60-64. DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-1-60-64
11. Система советского права и перспективы ее развития: круглый стол журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 3-18.

-
12. Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития: в 9 вып. Вып. 3: Структурные уровни, ряды права. Правовые общности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 11-16. EDN SACHJN
13. Общая теория государства и права: курс лекций / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; под общ. ред. А. Ф. Вишневского. Минск : Тесей, 1998. 576 с.
14. Шульженко Ю. Л. Учебник советского государственного права / под ред. А. Я. Вышинского // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 1. С. 77-99. DOI 10.35427/2073-4522-2022-17-1-shulzhenko
15. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: доклад на Совещании по вопросам науки советского государства и права (16-19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 131-278. EDN OXNHBV
16. Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М.: Мысль, 1976. 188 с.
17. Тонков Е. Е., Синенко В. С. Методологические подходы к построению системы права // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2016. № 10, вып. 36. С. 135-147. EDN WJGILN
18. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1963. 197 с. EDN RGFXMB
19. Зорченко Е. А., Протасевич Л. Г. Теория государства и права: учеб. пособие / под общ. ред. Е. А. Зорченко. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. 456 с.
20. Шафалович А. А. Общая теория права: учеб. пособие. Минск: Амалфея, 2023. 552 с. EDN GDUEYQ
21. Правовая система Республики Беларусь // infocenter.nlb.by URL: <https://infocenter.nlb.by/gosudarstvo-i-pravo/pravovaya-sistema-respubliki-belarus> (дата обращения: 10.03.2025).
22. Демичев Д. М., Бочков А. А. Общая теория права: учеб. пособие для студентов учреждений высшего образования по специальностям «Правоведение», «Экономическое право», «Международное право». Минск: Вышэйшая школа, 2022. 479 с. EDN WTKBLZ
23. Солянкина Н. А. Право социального обеспечения: пособие. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2013. 206 с.
24. Детское право: учебник / отв. ред. Н. Н. Тарусина. М.: Проспект, 2024. 616 с.
25. Демичев А. А. К вопросу о правовом образовании «кондиционное право» // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 21 окт. 2022 г. / БГУ, Юрид. фак., каф. хозяйственного права; под ред.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкой. Минск: БГУ, 2022. С. 97-101. EDN: LXRGEF
26. Бондаренко Н. Л. Методологические проблемы размежевания гражданского и хозяйственного права // Право в современном белорусском обществе. 2022. № 5. С. 249-254.
-

27. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Правоведение. 2000. № 4. С. 34-45. EDN: TKSEPD
28. Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2012. 35 с. EDN: QIBIDN
29. Иванников И. А. Актуальные проблемы развития отраслей российского права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. №1. С. 15-20. EDN: NTRZZF
30. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: моногр.: в 12 т. / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2020. Т. 1: Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права. 376 с.
31. Добрынин Н. М. К вопросу о политико-правовой модернизации в государстве // Государство и право. 2015. № 8. С. 23-31. EDN: UGITXD
32. Красавчиков О. А. Система права и система законодательства: гражданско-правовой аспект // Правоведение. 1975. № 2. С. 62-71. EDN: UJZDHz
33. Тонков Е. Е., Синенко В. С. Методологические подходы к построению системы права // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2016. № 10, вып. 36. С. 135-147. EDN: WJGILN
34. Талянин В. В., Талянина И. А. К единству публичного и частного права // Публичное, корпоративное, личное право: проблемы конфликтности и перспективы консенсуальности. СПб., 2005. С. 54-55.
35. Хозяйственное право: электронный учебно-методический комплекс для специальностей 6-05-0311-01 «Экономика», 6-05-1036-02 «Экономическая безопасность» / Н. Л. Бондаренко, А. В. Гавриленко, Е. Н. Гладкая [и др.]; БГУ, Юридический факультет, каф. хозяйственного права. Минск: БГУ, 2025. 115 с.
36. Мамай Е. А. Соотношение публичного и частного права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2004. № 4. С. 44-55.
37. Деркач Т. В. Тенденции развития частного и публичного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 1. С. 122-125. EDN NTZFMP
38. Данькова И. В., Лазутина Л. Ф. Семейное право: учеб. пособие. Минск: РИВШ, 2020. 324 с.
39. Семейное право: учеб. пособие / В. Н. Годунов [и др.]; под ред. В. Н. Годунова, М. П. Короткевич. Минск: Изд. центр БГУ, 2024. 392 с.
40. Семейное право: учеб. пособие / Н. Л. Бондаренко [и др.]; под ред. Н. Л. Бондаренко. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2021. 346 с.